

Глава 16. Аудиенция у императрицы

Лучи восходящего солнца окрасили облака в нежно-розовый цвет.

Деревянные колёса кареты, постукивая, катились по брусчатке. Когда они проезжали по швам между плитами, раздавался лёгкий скрип, и фигуры в просторном экипаже покачивались в такт.

Жун Цунцзинь, задремавший, внезапно проснулся от толчка. Гу Чжао расправил свои не слишком широкие плечи и, прижав голову супруга к своему плечу, серьёзно произнёс:

— Спи дальше. Я буду тебя держать.

— Благодарю вас, князь, — сонно зевнув, прошептал Жун Цунцзинь, прислоняясь к его плечу. Он спал очень чутко. Вчерашний день, полный церемоний, измотал его. Хотя Гу Чжао в первую брачную ночь вёл себя сдержанно, он всё равно чувствовал усталость.

Он привык к праздности и уже мечтал о том, как вернётся домой и ляжет спать.

Карета мерно покачивалась, и Жун Цунцзинь, постепенно расслабившись, задремал. Гу Чжао сидел не шевелясь, боясь потревожить сладкий сон своей принцессы-консорта.

Карета остановилась у Ворот Алой Птицы. Сяо Лэцзы откинул занавеску.

— Князь...

— Тс-с, — Гу Чжао тут же приложил палец к губам. Сяо Лэцзы всё понял, опустил тёмно-коричневую занавеску с вышитыми облаками и тихо встал у кареты.

Жун Цунцзинь проспал недолго, с четверть часа. Проснувшись, он выпрямился и, поправляя узор на воротнике своего тёмно-синего парадного одеяния, хрипловато спросил:

— Уже приехали?

— Если ты устал, спи дальше. Я скажу матушке, и мы вернёмся домой, а приедем в другой раз, — с видом настоящего мужа заявил Гу Чжао, выпрямив спину.

— Уж избавьте меня, князь. Боюсь, за всю историю Великой Цинь не найдётся ни одной принцессы-консорта, которая в первый же день после свадьбы не явилась бы на поклон к их величествам. — Несмотря на слова, на лице Жун Цунцзиня появилась улыбка. Забота Гу Чжао, хоть и неуместная, была безобидной и всегда трогала его. Жун Цунцзинь встал. Гу Чжао, как и

положено, помог ему сойти с кареты, и они пересели в дворцовый паланкин.

Поместье маркиза Динъюань, в конце концов, было домом подданного, и во дворце можно было передвигаться лишь пешком. Жун Цунцзиню впервые довелось ехать в дворцовом паланкине.

Сначала они отправились на поклон к императору, но тот провёл ночь у своей драгоценной наложницы. Прождав у Дворца Инъань добрых полчаса, они получили от вышедшего слуги указ, освобождающий их от аудиенции. Лишь после этого они направились во дворец Чанчунь.

— Впустить! — громко объявил евнух Лю.

Жун Цунцзинь, идя на шаг позади князя, с опущенными ресницами ступил на нефритовую лестницу.

Императрица была в абрикосовом церемониальном платье, её высокую причёску венчала корона с двумя фениксами, украшенная жемчужинами размером с большой палец. Уголки её губ были опущены, что придавало ей строгий и величественный вид. Гу Чжао, войдя в зал и увидев её, просиял.

— Матушка!

— М-м, — напряжённое лицо императрицы слегка смягчилось.

— Я привёл к вам Цунцзиня, — радостно проговорил Гу Чжао, подтаскивая Жун Цунцзиня за собой.

Жун Цунцзиню ничего не оставалось, как последовать за ним. Гу Чжао, словно хвастаясь сокровищем, подтолкнул его к императрице.

— Правда, моя принцесса-консорт прекрасна? — с гордостью донеслось из-за его спины.

Он был похож на гордого щенка, готового вилять хвостом до небес.

— Невежа, — с притворным гневом отчитала его императрица.

Веки Жун Цунцзиня дрогнули. Он поспешно опустился на колени.

— Я, принцесса-консорт Жуй из рода Жун, приветствую вас, ваше величество. Тысячу лет жизни вам.

— Встань, — голос императрицы был спокоен. Хоть и не так ласков, как при обращении к Гу

Чжао, но и без прежней отстранённости.

Жун Цунцзинь медленно поднялся и отошёл за спину Гу Чжао. Тот, услышав, как он опускается на колени, растерянно обернулся и, взяв его за руку, спросил:

— Колени болят?

Жун Цунцзинь: «...»

— Н-нет... не болят, — процедил он сквозь зубы. Голова шла кругом. Все знали о болезни Гу Чжао. После свадьбы князь так заботится о нём... кто знает, что станут говорить за спиной? Что он умаслил и обворожил Гу Чжао, чтобы тот так о нём пёкся.

— Если тебе будет нехорошо, скажи мне, — немного подумав, добавил Гу Чжао.

Жун Цунцзинь поспешно кивнул и прошептал:

— Князь, повернитесь, пожалуйста, и представьте меня императрице.

— О чём вы там шепчетесь? — с лёгкой улыбкой спросила императрица.

Гу Чжао обернулся.

— Принцесса-консорт хочет присесть отдохнуть.

Жун Цунцзинь: «...»

Улыбка, только что появившаяся на губах императрицы, застыла.

Жун Цунцзинь готов был заткнуть Гу Чжао рот. С чего он это взял?

Гу Чжао, однако, не заметил застывшей атмосферы. Он поклонился матери и затараторил:

— Вчера принцесса-консорт так устала. Сотни слуг сновали по резиденции, то садись, то вставай для поклонения, ни минуты покоя.

— Слишком уж много правил в княжеской резиденции, — нахмурился Гу Чжао. — Моего Цунцзиня совсем измучили.

Ему были безразличны все эти церемонии. Будь его воля, хватило бы и пары красных свечей. Дворец Юннин был вполне хорош, не нужно было никуда переезжать. Но брат сказал, что пышная свадьба — это лицо поместья Динъюань. Он-то не хотел, но принцессе-консорт нужна была великолепная церемония.

Теперь Гу Чжао смутно догадывался, что брат его обманул. От такой грандиозной свадьбы Жун Цунцзинь тоже устал. Кажется, доволен был только наследный принц.

Щёки Жун Цунцзиня залились румянцем, даже уши покраснели, словно нежные бутоны на ветке яблони.

— Что за глупости ты говоришь, — усмехнулась императрица, её голос стал мягче. Служанка поднесла поднос с двумя чашками чая.

Гу Чжао был не совсем невеждой. Увидев чай, он просиял и чуть было снова не повернулся к Жун Цунцзиню, чтобы сказать, что можно садиться.

Жун Цунцзинь, предвидя это, незаметно упёрся ему рукой в поясницу, не давая повернуться.

Гу Чжао пришлось сначала поднести чай. Жун Цунцзинь опустился на колени, взял чашку и, держа её двумя руками, подал императрице.

— Будь усерден и почтителен, служи примером, — тихо напутствовала его императрица.

Шуаны с трудом рожали наследников, так что говорить о «продолжении рода» было бессмысленно. Зачем портить им первый день после свадьбы?

— Слушаюсь, — Жун Цунцзинь поклонился. Принцесса-консорт наследного принца совершала три поклона, но ему, как принцессе-консорту князя, достаточно было одного. К тому же, Гу Чжао был родным сыном императрицы, что избавляло от необходимости посещать других наложниц.

Гу Чжао всё это время не сводил с него глаз. Когда императрица отставила чашку, давая знак, что можно вставать, он тут же вскочил и протянул Жун Цунцзиню руку.

Жун Цунцзинь, заметив это краем глаза, поколебался, но всё же опёрся на руку князя и поднялся.

Императрица, наблюдавшая за ними, улыbnулась и махнула рукой. Стоявший рядом евнух знаком пригласил князя и принцессу-консорту сесть.

— Теперь ты человек женатый. Прекрати свои детские выходки и не ссорься больше с братом,

— наставляла его императрица, пока служанка бесшумно подавала им чай. — Он ведь в душе тебя любит.

Просто дела государства отнимали слишком много времени, а Гу Чжао был упрямее других и требовал больше внимания. У наследного принца не было на это времени, и он предпочитал действовать силой, из-за чего братья часто ссорились.

— Угу! — Гу Чжао сейчас был очень сговорчив. Он подвинул чашку с чаем ближе к Жун Цунцзиню. — Пей.

У тебя губы совсем пересохли!

Уголок рта императрицы дёрнулся.

— За эти дни ты сильно похудел. Если в резиденции что-то будет не так, сразу же сообщай мне.

Жун Цунцзинь нахмурился. Гу Чжао поспешно сменил тему, оглядываясь по сторонам.

— А где Хань Гуан?

— Я послала её во дворец Цинлуань за его величеством, но она всё не возвращается, — улыбка императрицы стала холоднее. — Похоже, сегодня ты своего отца не увидишь.

Гу Чжао не слишком расстроился.

— Отец увидит меня, когда у него будет время. Мне достаточно и встречи с матушкой.

Не увидеть отца — значит, избежать лишних хлопот.

Жун Цунцзинь не смел вмешиваться в такой разговор и сидел, затаив дыхание. Императрица снова перевела взгляд на него, окинула его с ног до головы и, кивнув, отметила про себя, что выглядит он неплохо. Внешность Жун Цунцзиня — благородная и изящная, манеры — утончённые — именно то, что ценилось в императорской семье. Императрице он даже понравился.

— Раз уж ты вышел замуж за князя Жуй, о прошлом можешь забыть.

Это она говорила о его помолвке с Юй Линси.

— Слушаюсь, — кивнул Жун Цунцзинь.

— С твоей внешностью, с твоим происхождением... волею судьбы ты стал супругом князя Жуй. Я знаю, в душе ты можешь быть недоволен, — императрица взглянула на Гу Чжао с тревогой, — но время покажет, и ты узнаешь, как он хорош.

— Да, — голос Жун Цунциня потеплел. Он, конечно, знал обо всех достоинствах Гу Чжао.

В середине шестого месяца во дворце должен был состояться банкет в честь цветения. Обычно это было небольшое мероприятие, на которое император приглашал нескольких важных сановников, чтобы полюбоваться цветами, порыбачить и укрепить отношения. Иногда на таких банкетах обсуждались и важные государственные дела, не предназначенные для чужих ушей.

Но нынешний император любил роскошь, и даже банкет в честь цветения должен был проходить с пышностью, не уступающей празднику Святого Фонаря. Императрице предстояло следить за приготовлениями, и у неё не было времени оставить их на обед.

Покинув дворец, они совершили поклонение в храме предков и вернулись в свою резиденцию.

— Всё время на коленях. Дай-ка я посмотрю, — в карете Гу Чжао попытался поднять полы его одеяния. — Наверное, всё в синяках?

— Князь! — Жун Цунцинь, сгорая со стыда, поспешно прижал одежду, не давая ему вольничать.

— Мы же супруги, что такого, если я посмотрю? — мозг Гу Чжао в такие моменты работал на удивление быстро. Увидев, что Жун Цунцинь сопротивляется, он с обидой отвернулся и прислонился головой к резной стенке кареты, отказываясь на него смотреть. — Или ты не считаешь меня своим мужем?

— Вы, конечно же, мой муж, мой супруг... — Жун Цунцинь не мог видеть его обиженным. Поборов смущение, он придвинулся ближе и, мягко взяв Гу Чжао за руку, принялся его уговаривать: — Я покажу вам, когда мы вернёмся домой, хорошо?

Тело Гу Чжао едва заметно дрогнуло.

— Князь? — с удивлением спросил Жун Цунцинь.

— Когда ты так меня называешь... это... забавно, — покраснев, пробормотал Гу Чжао. Его дыхание стало тяжёлым, словно туман.

Какое слово? Жун Цунцинь на мгновение задумался и понял. Прикрыв ухо Гу Чжао ладонью, он прошептал:

— Супруг мой... не сердись на меня.

Тело Гу Чжао обмякло. Голос Жун Цунцзиня, подобный лёгкому облаку, касанию нефрита, намеренно смягчённый, звучал так нежно и ласково, как он никогда не говорил на людях. Гу Чжао, словно паря в облаках, выпрямился и заявил:

— Когда вернёмся, мы займёмся любовью десять... сто раз!

— Пф-ф, — Жун Цунцзинь не сдержался и, прикрыв рот рукой, рассмеялся.

Каждый раз, когда Гу Чжао говорил о занятиях любовью, ему становилось смешно. Где он только нахватался этих слов, да ещё и выучил лишь половину.

Жун Цунцзинь хоть и смеялся, но в душе всё просчитал. Гу Чжао был силен и здоров, и хоть пока неопытен, но они делили одну постель, и со временем он всему научится.

— Цунцзинь думает, я не смогу, — Гу Чжао почувствовал, что его достоинство задето. Он надулся и с гневом выпалил: — Я прямо сейчас исполню супружеский долг!

Чмок!

С этими словами он схватил Жун Цунцзиня за подбородок, заставив его повернуть голову, и впился в его щеку влажным, громким поцелуем, который, оторвавшись, издал лёгкий звук, сладкий, как лунный свет, отражённый в воде.

Улыбка Жун Цунцзиня застыла. Его щёки залились румянцем. В глазах, как в озере Яочи, заплескались волны.

— Где князь пожелает, там я и... я всегда слушаюсь князя, — тихо проговорил он.

Губы Гу Чжао, казалось, всё ещё хранили вкус мёда, сладость которого растеклась по всему телу.

— Я знаю, что заниматься любовью нужно там, где никого нет, — пробурчал он.

Он не хотел, чтобы кто-то ещё видел его принцессу-консорта с сияющими глазами, алыми губами и смягчившимся, покорным выражением лица.

Вернувшись во двор, Гу Чжао всё же добился своего и осмотрел колени супруга. Они были немного в синяках, но ничего серьёзного, через пару дней пройдёт.

Тем не менее, Гу Чжао отнёсся к этому серьёзно. Он велел Сяо Лэцзы принести лучшую мазь от ушибов из кладовой, подаренную правителем Малого Болюя, и, нанеся её на кончик пальца, смазал колени принцессы-консорта.

— Не мочи водой и постарайся меньше ходить, — наставлял он.

— Как тебя зовут? — повернувшись, спросил Гу Чжао у стоявшей рядом служанки в светло-бирюзовом платье.

— Вашу слугу зовут Би Тао, — поклонилась та.

— А меня — Фу Тун, — поспешно поклонилась и вторая, державшая в руках парадное одеяние.

— Хорошо. Если что-то понадобится, пусть делают Би Тао и Фу Тун, — снова повернулся к супругу Гу Чжао, присаживаясь рядом на кушетку.

На лице Би Тао появилась едва заметная улыбка. Хоть и глуповат, но заботлив. И он — князь. Если он будет хоть немного заботиться о господине, кто посмеет его обидеть?

— К счастью, я всего лишь князь, — пока Би Тао размышляла, с досадой произнёс Гу Чжао. — Если бы я был наследным принцем... когда брат приводил невестку в храм предков, ей пришлось совершать по три поклона перед каждым алтарём.

В храме предков перед алтарями всех императоров и императриц династии наследный принц и его супруга должны были поочередно возжигать благовония и совершать поклоны. Сколько же поклонов им пришлось сделать?

Гу Чжао присвистнул. Что за радость быть наследным принцем? У невестки колени крепкие, а у его Цунцзиня — нет. Лучше уж по одному поклону.

К счастью, отец был снисходителен и не принял его, избавив от лишних поклонов.

Би Тао и Фу Тун застыли от ужаса, не зная, то ли упасть на колени, то ли немедленно выйти. Жун Цунцзинь, полужёжа на подушках, махнул им рукой, чтобы они вышли. Служанки поспешно удалились.

На коленях Жун Цунцзиня ещё была мазь. Он поклонился слишком резко, но прохладная мазь впилась в кожу, и боль утихла.

— Князь... впредь таких слов лучше не говорить, — тихо посоветовал он.

— Если кто-то услышит, может быть беда.

— Каких слов? — переспросил Гу Чжао.

— Обсуждать наследного принца... — напомнил Жун Цунцинь.

— Четвёртого брата? — встрепенулся Гу Чжао и сердито добавил: — Каждый раз, когда я упоминаю старшего брата, он бежит жаловаться отцу!

— В прошлый раз я сказал: «Быть императором — утомительно и скучно, даже в сверчков не поиграешь». Кто-то донёс отцу, и тот так разгневался, что заставил меня три дня стоять на коленях у гробниц предков, — обиженно надул губы Гу Чжао. — Я знаю, это точно четвёртый брат, этот ябеда, всё рассказал отцу!

Жун Цунцинь почувствовал укол сочувствия и, погладив Гу Чжао по спине, тихо сказал:

— Князь, будьте осторожны в словах. Впредь я буду рядом и не позволю вас больше наказывать.

— Да ничего страшного, — махнул рукой Гу Чжао. — Брат прислал мне соболью шубу, матушка — жаровню... Брат ещё и нашёл способ вызволить меня на день раньше.

— Невестка тоже пришла меня встречать и приготовила для меня целый стол яств во дворце.

— Только «Зелёный генерал» замёрз насмерть...

Рука Жун Цунциня, гладившая Гу Чжао по спине, замерла. Он не знал, смеяться ему или плакать.

Утешенный ласковыми словами, Гу Чжао быстро забыл об обиде. Он обнял тонкую талию своей принцессы-консорты, и румянец залил его шею и щёки. В его тёмных глазах заплескались волны.

— Принцесса-консорт скучала по мне? — намекнул он.

И так, они исполнили супружеский долг. Десять раз.